

Тщательно руганная и униженная, слезы льлись по лицу племянницы Яо, когда она нюхала и плакала. Тем временем Яо Чэнгу опустил свою трубку и встал на колени, чтобы поддержать стол в вертикальном положении.

"Ладно, ладно, давайте все успокоимся. Разве мы все не имеем в виду интересы Тафу? Мы просто разговариваем, нет никаких поворотов. В общем, если невеста Цинь вернётся, она всё равно принцесса-супруга. Даже если Тафу возьмет сотню наложниц, ни одна из них никогда не поднимется над ней".

Белая с яростью, племянница Ма смотрела на Яо Чэнгу, не зная, что сказать.

"Это нормально для мужчины иметь несколько наложниц и подогреватели постели, не так ли?" Яо Чэнгу похлопал свою жену по плечу, чтобы утешить ее. "Разве ты не хочешь, чтобы еще несколько внуков испортились?"

"Желаю, но для этого есть время и место! Было бы нормально, если бы Тафу женился на других девушках, которые ему нравятся, или если бы девушка И устроила ему свадьбу. Меня не волнуют официальные или наложницы, любой его ребёнок будет моим дорогим внуком. Но если смотреть на девушку с презрением только потому, что ее похитили, это предательство!"

Неэ Яо и Яо Чэнгу обменялись взглядами, молча соглашаясь перестать спорить с неэ Ма. Упрямство матриарха означало, что в некоторых вопросах она не могла дозвониться. Кроме того, еще слишком рано обсуждать этот вопрос.

Они молчали и полдня слушали клятву племянницы.

Тем временем Пан Сяо на лошади скакал в резиденцию Цинь и ждал в вестибюле.

"Пожалуйста, подождите минутку, Ваше Высочество. Милорд в настоящее время лечит болезнь старого вдовца. Этот слуга пришлет кого-нибудь, чтобы сообщить милорду о вашем визите и попросить его приехать и встретиться с вами". Стюард, ведущий его по поместью, склонился с уважением.

"Ваш уважаемый старый вдовствующий нездоров?" Пан Сяо спросил с намеком на беспокойство. "Она ходила к королевскому врачу?"

"Благодарю вас за беспокойство, Ваше Высочество. Старый вдовствующий простудился, а врач уже заходил."

Брови Пан Сяо сцепились ещё ближе. Он помахал рукой, указывая стюарду послать вестника. В отличие от молодых людей, которые могли полностью оправиться от простуды, у пожилых людей были слабые тела. Кто-то из старых вдовцов был зрелой дыней, ждавшей, когда небеса

вырвут ее из лозы. Учитывая филиальное благочестие Цинь Хуайюаня, он, не говоря уже о том, что ухаживал за старой вдовствующей на больничной койке.

Исчезновение Цинь Инь, совпавшее с болезнью старого вдовца, нанесло большой урон Цинь Хуайюаню. Пан Сяо не мог не чувствовать себя еще более виноватым. Он опустил голову, чтобы снова взглянуть на содержимое записки.

Возможно, Му Цзинху боялся, что записка попадет в чужие руки, так как его слова были довольно расплывчаты. Тем не менее, у них была основная идея: Цинь Инин и Лу Хэн были схвачены Сицинем, и они были живы. Больше никаких подробностей предоставлено не было.

Это простое утверждение привело к тому, что тревожные мысли Пан Сяо закрутились вниз по нескольким возможным исходам.

Если Му Цзинху был в татаре, то это означало, что Soothsayer был также. Жрица была коварной, которая держала свои карты близко к сердцу - не было никакой информации о том, будет ли она замышлять против Цинь Инина и Лу Хэна или нет.

Хотя Му Цзинху не уточнял обстоятельства своей встречи с Цинь Инином, он был телохранителем Предсказательницы. Согласно пониманию жрицы Пан Сяо, весьма вероятно, что она выкрикивала благосклонность к Синь Инину и оставалась в татарском царском дворце.

Цинь Инин и Лу Хэн находились в плену во дворце, поэтому очевидно, что Анари и Сицинь хотели использовать их для переговоров с Великим Чжоу.

Однако Пан Сяо знал, что страх Ли Цицианя перед ним растет. Если бы татары просто пытались использовать их в качестве шантажа, Ли Цициань никак не согласился бы ни на какие их условия. Император больше всего заботился о том, чтобы не отставать от внешности, как он мог позволить варварам угрожать ему?

Но Цинь Инин был его жизнью, не имеющей никакого значения для других. С тех пор, как он потерял её, он чувствовал, что потерял свою душу вместе с ней. Несоблюдение более чем тридцати королевских указов было достаточным основанием для казни, но Ли Цициань видел, как его отвлекало внимание Пан Сяо. Опасаясь, что посторонние будут критиковать его за грубое обращение с достойными подданными, Ли Цициань решил оставить его в покое.

Как бы Пан Сяо хотел, чтобы у него прорастали крылья, чтобы он мог полететь прямо к татару и вернуть Цинь Иньна!

"Ваше Высочество". Точно так же, как Пан Сяо заблудился в мыслях, девушка нежно позвала его из дверного проема.

Следуя голосу её источника, он был встречен видом восьмой промахнувшейся, Цинь Бэонин.

Одетая в розовую хлопчатобумажную куртку и подходящую юбку с восемью панелями, она подошла к нему с улыбкой, держа в руках черный поднос, чтобы подавать ему чай.

"Вот ваш чай, Ваше Высочество."

У Пан Сяо не сложилось особого впечатления о младшей двоюродной сестре Цинь Иньна. Хотя она ему не нравилась, поэтому он склонил голову в знак благодарности. Он не принимал чай и не завязывал разговор; он, очевидно, ждал, когда восьмая пропустит чай, чтобы положить его на место и заставить себя замолчать.

Аккуратно положив чайный сервиз на стол, Цинь Боань обняла черный прямоугольный поднос к себе и нервно опустила голову, ее глаза стеснительно подмигивали, чтобы украсть взгляд на Пан Сяо.

Восприимчивый и проницательный, Пан Сяо заметил, что с ней что-то не так. Тем не менее, он был занят мыслями о безопасности своего любимого - он не мог не заботиться о том, что маленькая девочка, которую он едва знал, думал, так что он перешел к делу. "У вас есть здесь еще какие-нибудь дела?"

<http://tl.rulate.ru/book/13071/1034750>